

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-23-29>

Язык гражданского закона: некоторые подходы к направлениям исследования, специфические особенности и новации

Т. В. Казанина

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права
Российской таможенной академии.

Адрес: ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», 140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, д. 4.

E-mail: dogovor500@yandex.ru

Е. А. Кузнецова

кандидат филологических наук, заместитель начальника редакционно-издательского отдела
Российской таможенной академии.

Адрес: ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», 140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, д. 4.

E-mail: kkatya0203@yandex.ru

The Language of Civil Law: Some Approaches to Research Directions, Specific Features and Innovations

T. V. Kazanina

PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law
of Russian Customs Academy.

Address: Russian Customs Academy,

4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation.

E-mail: dogovor500@yandex.ru

E. A. Kuznetsova

PhD in Philology, Deputy Head of the Editorial and Publishing Department
of Russian Customs Academy.

Address: Russian Customs Academy,

4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation.

E-mail: kkatya0203@yandex.ru

Аннотация

Развитие гражданского оборота определяет и развитие языка гражданского закона, носителем которого является самый широкий круг субъектов права, в том числе физические и юридические лица. Значимость и актуальность исследования подтверждает тот факт, что язык гражданского закона определяет следующие подязыки: подязык учредительных документов юридического лица; подязык договоров, включая и доверенность, которая в соответствии с гражданским законодательством является односторонней сделкой; подязык документов, оформляющих отдельные гражданские права (на имущество, на охраняемые результаты профессиональной деятельности). Новации в языке гражданского законодательства во многом обусловлены расширением спектра объектов гражданско-правового регулирования на фоне цифровизации и информатизации современного общества. В рамках данной статьи авторы предлагают подход к исследованию языка гражданского закона, который включает взаимодополнение лингвистических и правовых методов исследования. В целях выявления и изучения лексических новаций в сфере гражданского законодательства использовано описание фреймов, которые представляют собой иерархию взаимодействующих элементов.

Ключевые слова: гражданские права, нормативный правовой акт, правовая норма, физическое лицо, юридическое лицо, информационно-коммуникационные технологии, лексические новации, термин, фрейм, субфрейм, слот.

Abstract

The development of civil circulation also determines the development of the language of civil law, the bearer of which is the widest range of legal entities, including individuals and legal entities. The significance and relevance of the study is confirmed by the fact that the language of Civil Law defines the following sublanguages: the sublanguage of the constituent documents of a legal entity; the sublanguage of contracts, including a power of attorney, which, in accordance with Civil Law, is a unilateral transaction; sublanguage of documents formalizing individual civil rights (to property, to protected results of professional activity). Innovations in the language of civil legislation are largely due to the expansion of the range of objects of Civil Law regulation against the backdrop of digitalization and informatization of modern society. In this article, the authors propose an approach to studying the language of Civil Law, which includes the complementarity of linguistic and legal research methods. In order to identify and study lexical innovations in the field of civil legislation, a description of frames was used, which represent an hierarchy of interacting elements.

Keywords: civil rights, regulatory legal act, legal norm, individual, legal entity, information and communication technology, lexical innovations, term, frame, subframe, slot.

Анализ научной литературы показывает, что язык закона является предметом исследования как для филологов, так и для специалистов в области юриспруденции. Первые главным образом изучают лексические и стилистические особенности языка нормативных правовых актов, обращая пристальное внимание на его характеристику (как вида официально-делового функционального стиля речи), на требования, предъявляемые к нему (краткость, лаконичность, ясность, адекватность и др.), а также выделяя конкретные примеры допускаемых законодателем ошибок при формулировании отдельных норм. Внимание вторых сосредоточено преимущественно на изучении языка уголовного закона, рассмотрении его в совокупности с уголовно-процессуальными нормами. В последние годы специалисты начали исследовать язык такой новой комплексной отрасли законодательства, как информационное право, учитывая влияние информационно-телекоммуникационных технологий на организацию и гражданского оборота, и деятельности органов власти всех уровней [5]. В отдельных исследованиях, посвященных языку гражданского закона, представлен анализ его терминосистемы, характеристика норм (императивные и диспозитивные, дефинитивные, отсылочные, оценочные), а также правил морали и нравственности [4]. Однако исследования, посвященные анализу изменений языка гражданского законодательства, происходящих в результате повсеместного использования информационно-коммуникационных технологий и цифровизации общества, не проводились.

На наш взгляд, значимость исследования лексических новаций языка гражданского закона обусловлена следующим комплексом причин:

— его использованием каждым гражданином, что определяется регулированием гражданским законодательством гражданского оборота. Законопослушный гражданин в течение жизни может ни разу не обратиться к языку уголовного закона, что и свидетельствует о его законопослушании и добропорядочности. При этом состав участников гражданского оборота самый широкий (по сравнению с иными отраслями законодательства): физические и юридические лица, а также государство. Участие физического лица в гражданском обороте фактически начинается с наступления 6-летнего возраста, т. е. возраста, когда законом, согласно статье 28 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), разрешено совершать три вида сделок. Участие в гражданском обороте длится всю жизнь, а смерть гражданина приводит к возникновению особой группы гражданских правоотношений – наследственных правоотношений, таким образом, гражданский оборот в принципе не прерывается. Кроме того, важно отметить, что большинство физических лиц – участников гражданского оборота не являются профессиональными юристами, что определяет особую требовательность к формулированию законодателем конкретных норм. Также отдельные статистические данные, прежде всего информация относительно роста задолженности по кредитам, в том числе так называемым «плохим кредитам»¹, показывает необходимость системного подхода со стороны власти к правовому просвещению населения;

¹ Статистические данные в статье не приводятся в связи с их постоянным изменением.

— взаимосвязью гражданского законодательства с актами законодательства, возникшими на его основе (гражданско-процессуального, семейного, земельного), а также с актами иных базовых отраслей (уголовного и административного) и возникших на их основе, в том числе законодательства о таможенном регулировании.

Язык гражданского закона достаточно оперативно расширяется в связи с появлением новых отношений, которые связаны как с развитием гражданского оборота, так и с развитием уже упомянутых информационно-коммуникационных технологий. Обоснований для доказательства наличия первой из двух упомянутых тенденций достаточно большое количество, но в целом она определяется развитием бизнес-процессов. Так, например, Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» в ГК РФ введены статьи 429.2 «Опцион на заключение договора» и 429.3 «Опционный договор». Включение информационно-телекоммуникационных технологий определило появление и затем широкое применение в языковой действительности массы терминов: *лицензионный договор, простая (неисключительная) лицензия, исключительная лицензия, базы данных, секрет производства, технические средства защиты гражданских прав, информационный посредник* и др. (часть 4 ГК РФ).

Все вышесказанное определяет необходимость анализа языка гражданского закона как с точки зрения юридической науки, так и с учетом достижений лингвистики, точнее, на основе применения методов изучения, характерных для указанных наук, и их взаимодополнения.

Изучение языка гражданского закона полагаем важным начать с уточнения вполне очевидного: его взаимосвязи с языком основополагающего для государства, общества и отдельного индивида акта — Конституции Российской Федерации. Как известно, в данном акте содержатся императивные нормы, направленные на защиту основных гражданских прав: права собственности, права творчества, права на жилище и главным образом на защиту личных неимущественных прав. Анализ языка Конституции Российской Федерации будем проводить с применением существующего, пусть и неоднозначно понимаемого в когнитивной науке понятия «фрейм». Фрейм определяется и как структура знания [7], и как структура представления знания [3; 8]. Е. В. Лу-

кашевич подчеркивает, что «в научных описаниях фреймовая структура чаще представлена иерархически: вглубь от верхних уровней к нижним, глубинным уровням...» [6. — С. 71]. Использование термина «фрейм» как структуры представления знаний позволяет вполне обоснованно выделять следующие основные фреймы: «права и свободы человека и гражданина», «обязанности», «ответственность», «власть».

Что касается гражданского права, то полагаем, что в основе выделения фреймов лежит не что иное, как система и структура гражданского права. Таким образом, можно выделить следующие два фрейма: «основы (общие положения) гражданского права» и «подотрасли гражданского права».

Фрейм «основы (общие положения) гражданского права» составляют термины, номинирующие базовые категории: источники гражданского права, субъекты гражданских прав, объекты гражданских прав, гражданские права, осуществление и защита гражданских прав, способы защиты гражданских прав. Здесь, несомненно, архисемой является сема «гражданские права». Как известно, в гражданском законодательстве отсутствует это понятие, его суть выделяется из анализа норм многих статей ГК РФ, в числе первых — норм, закрепленных в статьях 18 и 48.

Следует обратить внимание, что цивилисты при анализе статьи 18 «Содержание правоспособности граждан» отмечают, что ее название явно шире представленного содержания, поскольку в соответствии со статьей 17 ГК РФ гражданская правоспособность означает совокупность гражданских прав и обязанностей, а в статье 18 ГК РФ представлен только перечень основных прав. Соответственно, применяется достаточно редко используемый в юридической науке вообще и в цивилистике в частности такой способ толкования, как расширительное толкование: это означает, что физическое лицо как участник гражданского оборота должно знать и понимать следующее.

Во-первых, то, что правам корреспондируют обязанности, которые необходимо соблюдать. Так, наличие права собственности означает обязанность не нарушать права других собственников, однако способов нарушения достаточно много, причем многие из них указаны в нормах ГК РФ. Так, *«если собственник помещения систематически нарушает права и интересы соседей, уполномоченный государственный орган*

или орган местного самоуправления может предупредить собственника о необходимости устранить нарушения, а если они влекут разрушение помещения, также назначить собственнику соразмерный срок для ремонта помещения. Если собственник помещения после предупреждения продолжит нарушать права и интересы соседей, суд по иску уполномоченного государственного органа или органа местного самоуправления может принять решение о продаже с публичных торгов такого помещения с выплатой собственнику вырученных от продажи средств за вычетом расходов на исполнение судебного решения» (пункт 1 статьи 287.7 ГК РФ). Наличие права совершать любые не противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах означает необходимость исполнения условий договора, в противном случае другая сторона обладает комплексом способов защиты своих прав и интересов (статьи 11, 12 и др. ГК РФ).

Во-вторых, физическое лицо как участник гражданского оборота должно знать, что перечень его прав, приведенных в статье 18 ГК РФ, не является исчерпывающим, на что указывает формулировка: «иметь иные имущественные и личные неимущественные права». Несомненно, это означает наличие личных неимущественных прав, которые неразрывно связаны с личностью, гарантированы Конституцией Российской Федерации и перечень которых (что еще раз важно подчеркнуть) не является исчерпывающим: право на жизнь, честь, достоинство, неприкосновенность частной жизни и др. Также данная формулировка означает наличие комплекса прав, возникающих при создании охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности.

Содержание правоспособности юридического лица определено прежде всего в статьях 48 и 49 ГК РФ. Из анализа пункта 1 статьи 48 ГК РФ следует, что юридическое лицо обладает гражданскими правами и выполняет гражданские обязанности, а также отвечает по своим обязательствам. Статья 49 ГК РФ содержит уточнения в отношении прав и показывает, что по объему правоспособности юридические лица делятся на те, которые обладают общей правоспособностью, и те, которые обладают специальной правоспособностью. В указанной статье предусмотрены также правила, касающиеся ограничения прав юридического лица.

С учетом разных вариантов организации бизнеса гражданские права и обязанности и ограни-

чения прав юридических лиц закреплены в нормах как ГК РФ, так и отдельных федеральных законов.

Так, сема «гражданские права» является действительно архисемой, которая определяет действия субъектов гражданского оборота, выраженные в языковой форме.

В последние годы расширился состав объектов гражданских прав, и, соответственно, в субфрейме «объекты гражданских прав» появились новые термины, номинирующие виды имущественных прав (статья 128 ГК РФ).

Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» к имущественным правам, наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами, отнесены *цифровые права* (статья 128 ГК РФ), содержание которых раскрывается в пункте 1 статьи 141.1 ГК РФ, введенной указанным Федеральным законом: «*Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам*». Приведенная норма имеет бланкетный характер: из дефиниции четко не следует, что понимается под цифровыми правами; содержание и условия осуществления «обязательственных и иных прав» можно определить, уточнив, в чем заключаются правила информационной системы. Аналогично этому, через отсылку к правилам информационной системы, изложено определение термина «*обладатель цифрового права*» – «*лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом*» (пункт 2 статьи 141.1 ГК РФ). Под *правилами информационной системы* в контексте данной статьи понимаются правила инвестиционной платформы, перечисленные в статье 4 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (редакция от 14 июля 2022 г.) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Этим же законом вводится термин «*утилитарные цифровые права*» (пункт 1 статьи 8), определение которого дается в форме исчерпывающего перечня таких прав:

«В инвестиционной платформе, отвечающей признакам, предусмотренным частью 5 статьи 11 настоящего Федерального закона, могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться следующие цифровые права (утилитарные цифровые права):

- 1) право требовать передачи вещи (вещей);*
- 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;*
- 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг».*

Далее в пункте 2 статьи 8 представлены права, которые не могут являться утилитарными цифровыми правами: *«Утилитарными цифровыми правами не могут являться право требовать имущество, права на которое подлежат государственной регистрации, и (или) право требовать имущество, сделки с которым подлежат государственной регистрации или нотариальному удостоверению».* Это редко используемая в законодательной практике форма изложения правовой нормы: в рамках одной статьи устанавливается перечень утилитарных цифровых прав и прав, которые к ним не относятся. Новизна и сложность цифрового права как объекта правового регулирования обуславливают необходимость законодательного закрепления совокупности прав, не относящихся к цифровым.

Таким образом, цифровые права регулируются как гражданским, так и финансовым законодательством, что свидетельствует о сложности и многоаспектности данного правового явления. Соответственно, содержание понятия «цифровые права» номинируется рядом терминов, кодифицированных как в ГК РФ, так и в других нормативных правовых актах.

Федеральным законом от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 Гражданского кодекса Российской Федерации» расширен состав имущественных прав – к безналичным денежным средствам отнесены *цифровые рубли*. Однако в ГК РФ не определяется, что именно понимается под цифровым рублем, лишь в статье 140 появляется уточнение: *«платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безна-*

личных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями».

Понятие цифрового рубля получило широкое распространение в финансовой сфере. Дефиниция данного термина содержится в информационных материалах, размещенных на сайте Банка России: *«цифровой рубль – это цифровая форма российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег»* [9]. Однако определение термина «цифровой рубль» отсутствует в таких базовых документах финансовой сферы, как Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (редакция от 24 июля 2023 г.) «О национальной платежной системе» (с изменениями и дополнениями, вступивший в силу с 1 октября 2023 г.), положение Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля» (зарегистрировано в Минюсте России 10 августа 2023 г. под № 74716). Следует отметить, что в Федеральном законе от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (редакция от 24 июля 2023 г.) «О национальной платежной системе» кодифицирован ряд терминов, в которых цифровой рубль встречается в качестве терминологического элемента: *платформа цифрового рубля, правила платформы цифрового рубля, пользователь платформы цифрового рубля, участник платформы цифрового рубля*. По какой причине законодатель не последовал по пути дефинирования термина «цифровой рубль» (по аналогии с термином «цифровые права»), остается неясным. Вполне вероятно, что причина состоит в том, что в указанном Федеральном законе содержится определение термина *«электронные денежные средства»*, являющегося родовым по отношению к термину «цифровой рубль».

С нашей точки зрения, термин «цифровой рубль» должен быть определен в тексте ГК РФ. Скорее всего, цифровые рубли получат широкое распространение во всех сферах жизнедеятельности общества, и в связи с этим в научный оборот будут вводиться новые языковые средства, номинирующие различные аспекты обращения этого денежного средства. В материалах Банка России для номинации счетов цифрового рубля уже используется неологизм *«цифровой кошелек»*: *«Цифровые рубли будут храниться на счетах цифрового рубля (цифровых кошельках) граждан и организаций»* [9].

Фрейм «подотрасли гражданского права» делится на пять субфреймов по числу подотраслей:

«вещное право», «обязательственное право», «наследственное право», «права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», «личные неимущественные права».

Субфрейм «вещное право» включает следующие ключевые термины: право собственности, иные вещные права, основания приобретения, основания прекращения права собственности, общая собственность, защита права собственности и иных вещных прав. Тогда в числе слотов, понимаемых как элемент фреймовой структуры, выражающий определенный тематический (когнитивный) признак описываемого понятия или явления и представленный набором репрезентирующих его языковых единиц, можно выделить следующие слоты, используя структуру гражданского правоотношения: «объекты вещных прав», «субъекты вещных прав», «содержание вещных прав».

Необходимо отметить расширение состава терминов, образующих слот «объекты вещных прав». В традиционном понимании его образуют такие термины, как *движимое имущество, недвижимое имущество, здание, сооружение, земельный участок, квартира*. Учет развития гражданского оборота и рост благосостояния населения определили сравнительно недавнее введение в ГК РФ новых терминов – *машино-место и помещение*. Дефиниция первого термина законодателем не приведена, очевидно, в связи с его ясностью для участников гражданских правоотношений, а вот дефиниция второго приведена в пунктах 1 и 4 статьи 141.4 ГК РФ: «*Помещением признается обособленная часть здания или сооружения, пригодная для постоянного проживания граждан (жилое помещение) либо для других целей, не связанных с проживанием граждан (нежилое помещение), и подходящая для использования в соответствующих целях*» (пункт 1); «*В одном здании, сооружении может быть образовано не менее двух помещений и (или) машино-мест*» (пункт 4).

Перечень терминов, образующих слот «субъекты вещных прав», является исчерпывающим и включает в себя собственников, сособственников и обладателей иных вещных прав: права хозяйственного ведения и права оперативного управления – унитарные предприятия, сервитутного права.

Здесь важно подчеркнуть, что с точки зрения юридической науки в перечень иных вещных

прав входят и залоговое право (с учетом его двойкой сущности – как залогового и обязательственного права), и права членов семьи собственников жилого помещения.

Отметим, что к числу специфических особенностей языка гражданского закона относится и наличие в отдельных случаях разных подходов к определению прав физических и юридических лиц. Действительно, примеров для обоснования данного тезиса не так много, но приведем два классических.

Первый пример связан с нормами, регулирующими уменьшение размера неустойки (статья 333 ГК РФ). Для физических лиц действует следующее правило: *«если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку»*. Для юридических лиц предусмотрены два особых правила, требующих приведения обоснованных аргументов и непосредственной деятельности предпринимателя по защите своих прав: *«Если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, суд вправе уменьшить неустойку при условии заявления должника о таком уменьшении. Уменьшение неустойки, определенной договором и подлежащей уплате лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, допускается в исключительных случаях, если будет доказано, что взыскание неустойки в предусмотренном договором размере может привести к получению кредитором необоснованной выгоды»*.

Второй пример является чисто теоретическим, поскольку не применялся за период действия ГК РФ (да и вообще его применение означает крайне сложную экономическую ситуацию), однако важным для понимания подхода к определению прав участников гражданского оборота – физических и юридических лиц. Речь идет о нормах, закрепленных в статье 838 ГК РФ. Для физических лиц предусмотрено следующее правило: *«определенный договором банковского вклада размер процентов на вклад, внесенный гражданином на условиях его выдачи по истечении определенного срока либо по наступлении предусмотренных договором обстоятельств, не может быть односторонне уменьшен банком, если иное не предусмотрено законом»*. Для юридических лиц правило сформулировано следующим образом: *«По договору такого банковского вклада, заключенному банком с юриди-*

ческим лицом, размер процентов не может быть односторонне изменен, если иное не предусмотрено законом или договором». Анализ приведенных норм показывает максимальную защиту прав физических лиц со стороны государства, юридическому же лицу (т. е. его исполнительному органу) необходимо быть предельно внимательным при изучении условий и, соответственно, при подписании договора банковского вклада. Обоснование такого подхода следует из установленного законодателем правила о рисковом характере предпринимательской деятельности (статья 2 ГК РФ).

Возвращаясь к мысли о значимости языка гражданского закона в связи с взаимодействием гражданского законодательства и иных отраслей законодательства, следует подчеркнуть, что нормы, в частности, касающиеся новых реалий, на которые распространяется действие гражданского законодательства, должны удовлетворять требованиям точности и определенности. В научных публикациях неоднократно подчеркивалось, что «стремление к ясности и определенности – характерная черта права» [2. – С. 775], «...что каждому адресату правовых норм их содержание должно быть доступно. Помимо гарантий возможности ознакомления с текстами правовых актов, такую доступность обеспечивают ясность (понятность) и определенность (недвусмысленность) правовых текстов, описывающих

юридические нормы. Изложение нормы должно четко давать понять, что именно норма запрещает, предписывает или дозволяет» [1. – С. 294]. С нашей точки зрения, точности и определенности нормативных правовых актов гражданского законодательства можно достичь на основе изучения как правовых аспектов, так и лексических особенностей соответствующих текстов.

Целесообразность сочетания принадлежащих разным наукам (лингвистике и юриспруденции) методов изучения явлений, правовых по характеру и языковых по выражению, заключается, на наш взгляд, не только в попытке представить некий комплексный подход, позволяющий находить оптимальную форму языковой репрезентации гражданско-правовых норм, но и в стремлении к организации просвещения населения – тех, кто не является профессиональным юристом, но совершенно естественно применяет нормы гражданского законодательства в повседневной жизни. Несомненно, что основы правового просвещения закладываются в целом в рамках школьного образования, однако полагаем важным совместную деятельность педагогов, психологов, юристов и филологов по этапному определению изучения базовых конституционных положений в сочетании с основополагающими гражданскими правами.

Список литературы

1. Белов С. А. Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2022. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 293–308.
2. Блинова О. В., Белов С. А. Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11. – Вып. 4. – С. 774–812.
3. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
4. Казанина Т. В. Система и языковые особенности гражданского законодательства: монография. – М. : Российская таможенная академия, 2013.
5. Кузнецова Е. А., Федорченко Е. А. Становление терминологии информационного права в современном русском языке: монография. – М. : Российская таможенная академия, 2018.
6. Лукашевич Е. В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект: монография. – М.; Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2002.
7. Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53–64.
8. Соколова О. В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2007. – № 1. – С. 236–239.
9. Цифровой рубль // Банк России. – URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (дата обращения: 21.10.2023).